

Министерство культуры Российской Федерации

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ
им. Н. А. РИМСКОГО-КОРСАКОВА

Н. И. ГОЛУБОВСКАЯ

**ДИАЛОГИ.
ИЗБРАННЫЕ РЕЦЕНЗИИ И СТАТЬИ**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1994

Министерство культуры Российской Федерации

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
КОНСЕРВАТОРИЯ им. Н.А.РИМСКОГО-КОРСАКОВА

Н. И. ГОЛУБОВСКАЯ.

ДИАЛОГИ. ИЗБРАННЫЕ РЕЦЕНЗИИ И СТАТЬИ

Санкт-Петербург

1994 г.

Н.И.Голубовская. Диалоги. Избранные рецензии и статьи.
- Санкт-Петербург, 1994 год, СПбК. - 130 с.

Составитель - Елена Филипповна БРОНФИН

Санкт-Петербургская государственная
консерватория имени
Н.А.Римского-Корсакова

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От составителя	8
Диалоги. Педагог и ученик, I	6
Диалоги. Педагог и ученик II	25
Из заметок о музыкальном ритме	39
Воспоминания	47
Избранные статьи и рецензии	63
Избранные письма	80
Работа пианиста (доклад)	115

О Т С О С Т А В И Т Е Л Я

Совмещение в одном человеке крупного музыкально-исполнительского таланта и выдающегося музыкально-педагогического дарования — явление не частое. Однако еще более редким феноменом представляется единство перечисленных качеств с даром ведения углубленной научно-исследовательской и методической работы. Именно таким феноменом была заслуженная артистка, профессор Ленинградской консерватории Надежда Иосифовна Голубовская (1891—1975), на протяжении всей своей жизни в искусстве интенсивно и плодотворно сочетавшая артистическую, педагогическую и научную работу.

Для Голубовской эти три сферы бытия в музыке были своего рода нерасторжимым триединым путем проникновения в творческие замыслы и свершения великих композиторов минувших и текущего столетий. Верное прочтение подлинного (а зачастую произвольно "отредактированного") нотного текста их сочинений, постижение строя и логики их музыкально-образного мышления, раскрытие тончайших нюансов интонационно-ритмических и ладово-гармонических закономерностей Голубовская рассматривала как объективную, а потому единственно оправданную исходную основу исполнительской интерпретации. Благоговейное и бережное отношение к авторскому тексту (в широком понимании этого термина) требует от исполнителя, по мысли Голубовской, единства рефлексии и интуиции, рационального и эмоционального, продуманности и непосредственности. Подчинение авторскому замыслу открывает перед исполнителем широчайшие возможности проявления своей творческой индивидуальности. Это положение —

— одно из краеугольных в эстетических принципах Н.И.Голубовской и, думается, именно оно (помимо ее природного влечения и разносторонности таланта) определило в ее музыкальной деятельности взаимопроникновение исполнительства, педагогики и научного поиска.

"Я учу, потому что играю. Если бы я не играла, то не считала бы возможным учить", — говорила Надежда Иосифовна. Справедливо, ибо творческие открытия и прозрения, рождающиеся в исполнительской практике, являются во многом фундаментом обучения. Но последнее не может ограничиваться "показом" (пусть даже завораживающей силы воздействия!), необходимо вооружить ученика п о н и м а н и е м поставленных задач и методом их разрешения, иными словами, научить с а м о с т о я т е л ь н о с т и. Отсюда у Голубовской изыскания в области методики работы пианиста, тщательное изучение подлинных авторских текстов, что давало ей право делать далеко идущие творческие и эстетические выводы, во многом новаторская разработка сложнейших проблем педализации, исполнительского ритма, артикуляции, фразировки и многого другого. Отсюда же советы молодым исполнителям и исполнительские анализы ряда произведений, несмотря на свою краткость, емкие по содержанию, затрагивающие вопросы стиля и формы, образно-поэтической сущности творений многих композиторов.

Характерная черта всех исследовательских и методических работ Голубовской — их ориентация на живую музыкальную практику. Их конечная цель — помочь музыкантам-исполнителям (прежде всего пианистам) более полно и верно донести до слушателей сокровища музыкального искусства.

Далеко не все из литературного наследия Надежды Иосифовны было опубликовано при ее жизни. Поглощенная многогранным исполнительством (ее концертная деятельность в качестве пианистки-солистки,

ансамблистки и клавесинистки отличалась чрезвычайной интенсивностью), погруженная в непрерывную педагогическую работу, она зачастую довольствовалась записью своих наблюдений, мыслей, открытий, не находя времени для их подготовки к печати. Результатами своих изысканий она постоянно делилась с учениками в классе, на открытых уроках, в многочисленных научных докладах и лекциях, а опубликование рукописей откладывала на некое гипотетическое более свободное время.

Все работы Н.И. Голубовской написаны превосходным литературным языком, образным, ярким, порой отмеченным разговорными оборотами, которые воссоздают атмосферу непосредственной беседы, диалога, живого общения педагога с учеником.

В данный сборник включены избранные статьи, рецензии и воспоминания Н.И. Голубовской, публиковавшиеся в различных сборниках и периодической печати. Вошли ранее не издававшиеся и хранившиеся в рукописях (иногда не завершенных) работы по вопросам фортепианного исполнительства, музыкальной педагогики, размышления о сущности музыкального ритма. Новым материалом являются также извлечения из эпистолярного наследия Н.И. Голубовской, полно раскрывающих идейно-эстетические, этические и непосредственно музыкальные воззрения автора.

В работе над рукописями Н.И. Голубовской и в подготовке книги к печати деятельное участие принимала Н.В. Платонова.

Е.Ф. Бронфин.

ДИАЛОГИ. ПЕДАГОГ И УЧЕНИК, I

- Научите меня играть на рояле.
- Чему же ты хочешь учиться?
- Как чему? Тому, что меня пленяет в вашей игре.
- Что же это? Попробуй расчленишь, назвать.
- Во-первых, музыкальность, во-вторых, техника.
- А что ты подразумеваешь под музыкальностью?
- Как, что? Красивый звук, красивая фраза - это музыкальность.
- А техника?
- Ну, это еще проще - блестящие пассажи, быстрые, ровные октавы, трели.
- А ты не находишь, что у А техника не менее блестящая, чем у меня, а звук и фраза красивы и мягки. Почему ты не пошел к нему учиться?
- Его игра не производит впечатления. Это правда, что у него все красиво и блестяще, но как-то бездушно, невыразительно.
- Ну, а Б? Разве не выразительно он играет?
- Да, но его выразительность слащавая, сентиментальная, точено нарочитая, у него нет темперамента.
- А вот В, вот настоящий темперамент, ты не находишь?
- Что вы, он так груб и напыщен.
- Вот видишь, как многого ты требуешь, что совсем не укладывается в технику и музыкальность, в блеск и красоту. Значит, ты чего-то другого ждешь от исполнителя. Чего же?
- Да, вы правы, но я никогда об этом не думал.

7

- Чего же ты требуешь от исполнителя и, значит, чему хочешь учиться?

- Я требую, чтобы его игра волновала меня, трогала.

- Но ведь это зависит от того, что он играет, неправда ли? Может, ты подумаешь о том, что ты любишь в самой музыке, что она дает тебе?

- Она должна быть прекрасна.

- Значит, она должна ласкать слух, ублаживать нервы?

- Напротив, я люблю музыку, которая волнует меня, трогает, тревожит, музыку, которая выражает что-то, музыку, которая говорит мне что-то.

- Вот видишь, теперь ты сказал нужное слово. Значит, ты понимаешь, что музыка - это речь, а не просто набор красивых, даже прекрасных звучаний.

- Ну конечно, это так, иначе она была бы не больше, чем узор на ткани или обоях.

- Ты хочешь сказать, что она больше, чем украшение?

- Ну да, она ведь живет, она отражает, выражает жизнь?

- Значит, тебе ясно, что музыкальная речь может выразить многое. Как же ты от исполнителя ждешь только подвижности пальцев и внешней красоты. Ведь для того, чтобы передать мысли, чувства, вложенные в музыку, он должен их понять, во-первых, и уметь выразить - во вторых.

- А разве этому можно учиться? Мне кажется, если человек понимает и чувствует музыку, при этом имеет темперамент, ему нужно только приобрести технику, а если у него нет понимания, никто ему не поможет. Можно научить певучему звуку, но нельзя научить выразительности, если ее нет у человека. /.../